

КАФЕДРА ПЕТРА В ПЕРВЫЕ ВЕКА. ОТ НАЧАЛА ДО ОТДЕЛЕНИЯ ПАПСТВА ОТ ВИЗАНТИИ В VIII В.

Э. КЕТТЕНХОФЕН

Статья посвящена вопросу о примате Папы Римского в период с I по VIII в. Автор в своем церковно-историческом исследовании подвергает критике учение Римо-Католической Церкви, изложенное в постановлениях I Ватиканского собора в 1870 г. и утверждающее первенствующее положение апостола Петра, а также непогрешимость римского епископа. В качестве источников автор анализирует приведенные собором свидетельства из Св. Писания, ранних христианских авторов (срмч. Иринея Лионского и блж. Амвросия Медиоланского), из деяний III Вселенского собора и сочинений римских понтификов (Льва Великого, Гормизды, Григория Великого), в которых, по мнению собора, примат Петра и римских пап имеет свое основание. Обзор и детальное изучение указанных источников приводят автора к выводу о несостоятельности этого учения. Св. Писание подчеркивает значимость, но не особое положение Петра, которое в действительности состояло лишь в том, что он возглавлял Иерусалимскую общину. А свидетельства западных отцов, соборов и самих пап, приведенные собором в пользу примата папы, понимаются, по мнению автора, совершенно неверно — в отрыве от существующей в то время исторической ситуации. Среди таких исторических обстоятельств в статье выделены особое положение Рима как столичного города, уникальное апостольское происхождение кафедры для запада империи, что никак не применимо для восточных Церквей, удаленность и последующая независимость пап от влияния Византийских императоров. В заключение автор замечает, что притязания римских понтификов на первенство власти никогда не будут приняты всей Церковью.

Более 45 лет назад я начал учебу на Богословском факультете университета Трира. История Церкви была предметом, который очаровал меня больше всего, и, хотя я слушал лекции заведующего в то время кафедрой истории Древней Церкви Петера Штокмайера только один семестр — осенью 1966 г. он перешел в Тюбингенский университет, — я был поражен его энергичным стремлением к исторической истине; в последующие годы я прочитал многие его работы. И когда в 1991 г. я получил право преподавать древнюю историю в университете¹, то во время педагогической деятельности на лекциях и семинарах много раз затрагивал темы, касающиеся истории христианства в древности. Поэтому для моей прощальной лекции я решил обратиться к теме из этой же области, действительно важной теме, — кафедра Петра в первые века. Подзаголовок названия

¹ Университет Трира.

доклада показывает, что в нем будет рассмотрен период до середины VIII в., и при этом абсолютно непредвзято.

Следует учесть, и для специалистов это совсем не новость, что во времена первых поколений римской общины христиан не было одного единственного епископа или, точнее сказать, монеепископа в нашем сегодняшнем понимании. И раз уж я здесь выступаю как историк, то думаю, важно сначала обратиться к решениям I Ватиканского собора 1870 г. об учительной власти. В догматической конституции *Pastor Aeternus* участники собора говорят о введении апостольского примата, т. е. о первенствующем положении блаженного Апостола Петра, а также о преемстве этого примата у римских епископов. Конституция определяет сущность примата как высшую власть (лат. *suprema potestas*) по управлению Церковью. Далее следует определение непогрешимости в учении о римском епископе. Два канона я процитирую дословно:

«Если же кто-то утверждает, что блаженный Апостол Петр не был поставлен Иисусом Христом, Господом нашим, главой над всеми Апостолами и видимым главой всей воинствующей Церкви или что Апостол получил непосредственно и прямо от Иисуса Христа, Господа нашего, лишь первенство чести, а не первенство истинной и собственной юрисдикции, да будет отлучен от сообщества верных».

«Если, следовательно, кто-либо говорит, что блаженный Петр имеет преемников своего первенства над Католической Церковью не по установлению Христа или Божию праву или что папа Римский не является преемником блаженного Петра в этом первенстве, да будет отлучен от сообщества верных».

Можно было бы, конечно, попытаться порассуждать о нормативной идее папства, соответствующей этим канонам, и противопоставить ей действительность, как это сделал протестантский историк Й. Халлер в воинственном многотомном труде под многозначительным заголовком: «Папство — идея и действительность». Халлеру не было суждено описать историю после 1870 г., его пятитомное исследование папства заканчивается понтификатом Иоанна XXII, второго авиньонского папы в начале XIV в.²

Й. Халлер (1865–1947) был, впрочем, не единственным протестантским историком, посвятившим себя исследованию папства как увлекательнейшей исторической темы. До него Э. Каспар (1879–1935), обладавший энциклопедической ученостью, описал историю папства в двух томах и на 1484 страницах, которая еще больше по объему, чем труд Халлера, и доходит только до середины VIII в.³ В 1935 г. в возрасте 55 лет Каспар покончил с собой из-за угрозы увольнения из берлинского университета Фридриха Вильгельма за проявление расизма. Х. Фурманн (1926–2011) в книге «Папы. От Петра до Иоанна Павла II», изданной в 1998 г. и перепечатанной в 2006 г., благоразумно описывает только «самопонимание» этого учреждения и выдающиеся примеры папской истории, сопроводив это 191 изображением, что, таким образом, позволяет сочетать научную серьезность с яркой наглядностью⁴.

² *Haller J.* Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit I. Stuttgart, 1950².

³ *Caspar E.* Geschichte des Papsttums. Tübingen, 1930–1933.

⁴ *Fuhrmann H.* Die Papste. Von Petrus zu Johannes Paul II. München, 2006².

Когда историк проверяет какой-либо тезис, он обращается к источникам, подтверждающим или опровергающим его. Если посмотреть на издание упомянутой мной конституции *Pastor Aeternus*, то, помимо нескольких ссылок на Библию, о которых речь будет ниже, там есть только совсем немного свидетельств из древних источников. Самое древнее и поэтому рассматриваемое вначале свидетельство относится к епископу Иринею Лионскому (конец II в.), а точнее к его сочинению «Против ересей». Второе по хронологии свидетельство принадлежит Амвросию (Письма II. 4), это уже конец IV в. Помимо этого приводятся только требования папских легатов к Ефесскому собору 431 г. и свидетельства трех пап: Льва Великого († 461), Гормизды († 523) и Григория Великого († 604). Все это вместе представляет собой весьма скудную источниковую базу.

Итак, сперва заглянем в сам Новый Завет: помимо Ин 1. 42 (οὐ κληθήσῃ Κηφᾶς, ὃ ἐρμηνεύεται Πέτρος, «ты наречешься Кифа, что значит “камень”») и Ин 21. 15–17 («паси агнцев Моих... паси овец Моих») тут присутствует классический католический отрывок о примате в Мф 16. 18–19: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». В дореформенном чине мессы этот текст читался на каждой службе, посвященной памяти святого или беатифицированного папы, а таких в течение церковного года было немало. По моему мнению, одно слово земного Христа выделяется, потому что Христос имел в виду обращение Израиля, Своего народа, и Он вовсе не думал здесь о вечном установлении. Правда, что из двенадцати учеников Христа, историчность которых я признаю, Кифа всегда называется на первом месте, хотя и по переведенному на греческий имени — Петр. Прозвище «Кифа» Христос дал Шимеону (в гречизированной форме — Симону), оно было вскоре переведено на греческий (как уже сказано, «Петр») и стало из прозвища его личным именем. Петер Лампе в конце 70-х гг. смог доказать, что главное значение *kyf* (в эмфатической форме по-арамейски *kyf'*) означает «камень» и очень редко — «скала». Это значит, что в переводе на греческий как *petra* («скала») уже содержится толкование, из которого в греческом языке образовалась игра слов о Петре, т. е. именно христиане сделали это имя личным именем. В арамейской речи Христа под этим именем не скрывается никакого эклизиологического смысла и никакого обозначения должности, которой Христос удостоил Шимеона.

При этом я не спорю с тем, что Шимеон играл значительную роль в земной жизни Христа. И без сомнения он играл ведущую роль после Пасхи. Он стал главой иерусалимской арамейскоязычной общины христиан; Павел посетил его в Иерусалиме, согласно указанию в Гал 1. 18, через три года после своего призвания («потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром»). На так называемом Апостольском соборе около 48 г. он разделил ведущую роль с Иаковом братом Господним и Иоанном, при том, что Павел в Гал 2. 9 упоминает Иакова до Кифы. О позднейших годах его жизни канонический Новый Завет ничего не говорит. Слова из Деян 12. 17 (ἐλθὲρῆθη εἰς ἕτερον τόπον, «вышел пошел в другое место») остаются загадочными и стали основой для разных спекуляций о позднейших деяниях Петра. Дополнительная, 21-я глава Евангелия от

Иоанна ясно указывает на его смерть (21. 18–19: «...когда состаришься, то встретишь руки свои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какую смертью прославит Бога»). Можно быть уверенным, что оба послания Петра не принадлежат к историческому Петру, даже если из одного места в 1 Петр 5. 13 с некоторой уверенностью можно заключить, что он написал его из Рима, как это сделал Р. Фельдмайер в своем комментарии на 1 Петр, изданном в 2005 г.⁵

Таким образом, высказывания, относимые Новым Заветом ко Христу и свидетельствующие об особом положении Петра, относятся к тому времени, когда значение Петра после Вознесения стало очевидным. К. Кертельге, бывший в начале 70-х гг. профессором Нового Завета на Богословском факультете университета Трира, в статье о кафедре Петра в новом словаре «*Lexikon für Theologie und Kirche*» совершенно ясно говорит: в Новом Завете, конечно, не говорится ни о преемстве Петра, ни о таком образом образовавшейся кафедре Петра⁶. И он не единственный из католических экзегетов придерживается таких взглядов, не считая протестантских авторов.

Как уже было сказано, о последних годах жизни Петра, после того, как он покинул Иерусалим, канонический Новый Завет умалчивает. Во вступлении к посланию, написанному Павлом в конце 50-х гг. ко «всем находящимся в Риме возлюбленным Божиим, призванным святым» (Рим 1. 7), Петр не упоминается. Это может означать только то, что он к тому времени еще не находился в Риме.

В Первом Послании Климента к Коринфянам, которое я датирую примерно 110 г., в отличие от К. Эрлеманна, датирующего его последней третью I в., во всяком случае до 90 г., и О. Цвирияйна, датирующего его началом правления императора Адриана (117–138), написано: «Представим пред глазами нашими блаженных апостолов. Петр от незаконной зависти понес не одно, не два, но многие страдания, и таким образом претерпевши мученичество, отошел в подобающее место славы». Греческий глагол *μαρτυρέω*, или причастие *μαρτυρήσας*, не обязательно означает мученическую смерть, но и ее нельзя исключать, и так как послание, скорее всего, написано в Риме, большинство исследователей считают, что этот текст является свидетельством мученичества Петра в Риме. В связи с гонением Нерона на христиан в июле 64 г. Тацит, наш древнейший свидетель, не называет никаких имен жертв этого процесса. Впрочем, о распятии Петра в Риме говорят апокрифические Деяния Петра, а такие апокрифы, как Четвертая книга Ездры и сирийская книга Варуха, однозначно связывают Петра с Римом. Его распятие было в дальнейшем популяризировано такими богословами, как Тертуллиан, Ориген и Евсевий, как описано в изданной в 2001 г. книге К. Бёттриха «Петр. Рыбак, скала и деятель»⁷. От Иеронима идет предание о том, что Петр был распят вниз головой, потому что считал себя недостойным быть распятым так же, как Господь. Несмотря на то что обстоятельства мученической смерти Петра неизвестны, предание о ней все же важно, потому что некоторые

⁵ *Feldmeier R.* Der erste Brief des Petrus. Leipzig, 2005 (Theologischer Handkommentar zum Neuen Testament; 15.1).

⁶ *Lexikon für Theologie und Kirche.* 1999. Bd. 8. S. 144f.

⁷ *Böttrich Ch.* Petrus. Fischer, Fels und Funktionär. Leipzig, 2001.

ученые, например К. Хойсси (1877–1961) и уже упомянутый Й. Халлер, были убеждены в том, что Петр вообще не был в Риме и, соответственно, умер не там, и поэтому учение о римской кафедре как кафедре Петра можно отбросить. В недавнее время это уверенно повторил уже упомянутый филолог О. Цвирляйн. И я, конечно, допускаю, что протестантский церковный историк Х. Лицманн (1875–1942) и его ученики, прежде всего К. Аланд, вполне могли доказать многими аргументами пребывание Петра в Риме и его мученическую смерть там.

Нельзя обойти вниманием аргумент *ex silentio*, на который ссылался В. Вебер в июне 2010 г. в своем докладе о могиле Петра и который играет важную роль в критике М. Циглером анализа Цвирляйна: ни один город кроме Рима не заявлял, что он имеет гробницу Петра, и никакие другие епископы не оспаривали его преемство у римских собратьев. В этом я охотно соглашусь с церковным историком К. Баусом, преподававшим до 1962 г. на Богословском факультете университета Трира: «Это почти поразительное отсутствие какого-либо конкурирующего предания, без сомнения, является решающим фактором в критической оценке римской традиции».

Первое Послание Климента к Коринфянам считается важным свидетельством мученической смерти Петра в Риме, однако кроме того оно является важнейшим свидетельством, помимо канонического Нового Завета, послания от римской общины к коринфской, и притом не претендующим на контрольную функцию или на первенство; во главе стоят «предстоятели», по-гречески ἡγούμενοι. Послание упоминает также «старейшин», греч. πρεσβύτεροι, и «смотрителей», греч. ἐπίσκοποι, но не упоминает никаких стоящих друг над другом начальников, ведь указание на Климента относится не к самому письму, а к позднему времени, как и «Пастырь» Ермы, написанный около 140 г., но и в этом сочинении идет речь не о его иерархическом положении, по той простой причине, что во время составления еще не было монархического епископата. Еще яснее Евсевий говорит в своей «Церковной истории» (4. 23. 11) об указании на Климента, когда он упоминает ответное письмо епископа Дионисия Коринфского к римскому епископу Сотеру. Это положение выше «старейшин» известно нам только начиная с писем Игнатия Антиохийского, т. е. около 110 г., если мы следуем консервативной версии (другие, как Р. Хюбнер и затем В. Шмитхальс, несомненно, по уважительным причинам исходят из более поздней датировки). Сейчас к посланиям Игнатия причисляют также Послание к Римлянам (πρὸς Ῥωμαίους), где об этой Церкви говорится в самом начале: она была первенствующей в Риме и его округе, и она называется достойной Бога, почтенной, ценной, достохвальной, достойной успеха и спасения, потому что она первенствует в любви (προκαθημένη τῆς ἀγάπης) и является блюстительницей закона Христа и носительницей имени Отца, но стоящего во главе епископа это послание не знает. Монепископат, т. е. управление общиной *одним* епископом, было введено в Церкви в II в., и сейчас уже неоспоримо, что в Риме это произошло сравнительно поздно, как я думаю, при Аниките, время понтификата которого, по указанию Х. Фурманна, приходится на 155–166 гг., но, конечно, не в первой половине III в., как предполагает А. Брент. Имя «Аникита», распространенное у рабов греческого происхождения, означает «непобедимый», до середины III в.

греческий был языком римской общины. Но кто же был тем, кого в так называемом каталоге пап от Петра назвали Аникитой? Не следует вместе с М. Циглером признавать радикальное мнение Й. Халлерса, отвергавшего его существование, скорее всего он был ведущим членом коллегии пресвитеров или епископов. Циглер возражал справедливо, потому что выдумка имени во второй половине II в. бросилась бы в глаза современникам, и это едва ли помогло бы в борьбе с гностиками, скорее даже помешало бы: «Напротив, имена знаменитых и прославленных людей были очень важны». Но совершенно не ясно, верна ли хронологическая последовательность. То, что Климент упоминается в Флп 4. 3 и Лин в 2 Тим 4. 21, совершенно не значит, что они идентичны тем, кто упомянут в списке. Первый список, как считается, составил Егезипп, христианин с Востока; так как его сочинение сохранилось только фрагментарно, в основном только в «Церковной истории» Евсевия (IV. 22), мы должны рассмотреть это единственное упомянутое в конституции Pastor Aeternus свидетельство доконстантиновой эпохи, которое принадлежит Иринею и помещено в 3-й книге его труда «Против ересей». Во времена Иринея появились учения, православность которых была сомнительна. Но как можно это доказать, ведь, хотя мы имеем собрания отдельных писаний (например, корпус посланий Павла), нам не достает разграничительных линий, по-гречески «канона»? Иринею попытался доказать, что истинное учение проповедуется там, где подтверждено апостольское учение, а в качестве доказательства аутентичности учения он предлагает непрерывное преемство от апостолов до своего времени. Иринею знал много Церквей апостольского происхождения, т. е. был уверен в их истинности. В 3. 3. 2 говорится буквально следующее: «Но поскольку было бы весьма длинно в такой книге, как эта, перечислять преемства (епископов) всех Церквей, то я приведу предание, которое имеет от апостолов величайшая, древнейшая и всем известная Церковь, основанная и устроенная в Риме двумя славнейшими апостолами — Петром и Павлом... Ибо, по необходимости, с этой Церковью, по ее преимущественной важности, согласуется всякая Церковь, т. е. повсюду верующие, так как в ней апостольское предание всегда сохранялось верующими повсюду». Насчет перевода надо иметь в виду, что Н. Блох (автор немецкого перевода. — *Ред.*) выбрал элативный перевод («особенно великая и древняя»), потому что Иринею знал, что древнейшие христианские общины находятся на Востоке; и при этом требуется согласие верующих повсюду, т. е. Церкви соседних регионов должны быть в согласии с апостольской Церковью. Таким образом, Иринею не дает Риму общецерковного первенства, но скорее ведет свою мысль к тому, что все они держатся отдельно. Поэтому он использует предание *той* Церкви, которая была ближе всего к его кафедре, и это была Церковь столицы империи, единственная апостольская Церковь на Западе (до начала XII в., когда к ней присоединилась трирская Церковь при Магттиасе). С *такой*, т. е. апостольской Церковью, должны быть в согласии все, кто хочет проповедовать истинное евангельское благовестие. Таким образом, когда конституция Pastor Aeternus ссылается на Иринея, это не имеет отношения к смыслу высказывания Иринея, точнее, это даже явное искажение смысла:

«Поэтому всегда существовала необходимость, чтобы именно к Римской Церкви, “соответственно ее высшему происхождению”, обратилась каждая

Церковь, то есть все верные, для того чтобы стать в этом Святейшем Престоле, откуда проистекают на всех “правила достойного общения”, как члены, соединенные с Главой единством одного Тела».

Следует заметить, что Ириней говорит об основании римской общины Петром и Павлом (3. 3. 2), на такое великое достоинство могла претендовать только Римская Церковь, что, кстати, епископ Дамас I позднее использовал как аргумент в споре о первенстве с Константинополем. Поэтому список из следующей главы Ириней не является списком епископов и, тем более, «списком пап». Когда я в 1990 г. писал статью о Сиксте I для словаря «Biographisch-Bibliographische Kirchenlexikon», то написал в ней следующее: «...у Иринея в первый раз письменно достоверно засвидетельствовано в списке, не преследующем исторического интереса, апостольское происхождение проповеданного в Риме учения, и таким образом удостоверяется его истинность. Список имен, в котором Сикст следует за Александром, конечно, не был просто придуман, но должен был быть взят из римского (устного или письменного) предания». Речь идет о списке преемства, служившем для доказательства апостольского предания, который только позднее стал восприниматься как список епископов; поэтому Павел должен был быть вычеркнут из этого списка. Перешел ли авторитет Петра на возможных «преемников», и каким образом, мы не знаем; в этом можно полностью согласиться с У. Луцом. Ириней ведет список до современного ему епископа по имени Елевферий, возможно бывшего раба. Отсюда и далее список исторически достоверен (не считая промежутка в начале IV в. — эпохи гонений). О преемниках Елевферия мы знаем уже из многочисленных современных им источников, например «Церковной истории» Евсевия. Ириней не нумеровал список; приписываемое Тертуллиану сочинение *Carmen adversus Marcionitas* называет годы епископства, как и Евсевий; так называемый Либертианский каталог середины IV в. обозначает даже месяцы и дни, но для ранних епископов это не имеет исторической ценности, потому что только в начале III в. в Риме начали записывать даты рукоположения и смерти епископов. Самая ранняя достоверная дата, касающаяся римских епископов, — уход с кафедры епископа Понтиана 28 сентября 235 г., который стал жертвой римского процесса против христиан при императоре Максимине Траксе, далее, свидетельство летописца от 354 г. о называемом в католических текстах (например, в изданном в 2000 г. «Словаре пап» Р. Барта и Ф. Беддорфтига) антипапе Ипполите, сосланном в Сардинию. Время правления его преемника, Антера, продолжавшееся только несколько недель, мы можем теперь датировать точно: с 21 ноября 235 г. до 3 января 236 г., хотя при этом могли быть ошибки в передаче данных, как считает М. Боргольте. И также даты казней римских епископов, бывших жертвами гонений Декия и Валериана, — Фабиана и Сикста II — переданы точно — 20 января 250 г. и, соответственно, 6 августа 258 г., в эти же дни до сих пор совершается их память.

То, что уже в доконстантиновскую эпоху римская христианская община играла важную роль в Церкви, не должно удивлять, ведь Рим был столицей империи и центром тогдашнего мира. Поэтому сюда стекалась информация о деятельности общин со всей империи, как пишет К.-Х. Олиг. В Рим приходили многие христиане, хотя среди них были и еретики, что, конечно, как заметил П. Штокмайер, является «выражением их значения, но едва ли примата».

Прежние католические исследования охотно подчеркивали роль епископа Виктора I в споре о Пасхе в конце II в. Как передает Евсевий (5. 24. 9), Виктор хотел отлучить от церковной полноты общины всей Азии и прилегающие к ним Церкви за ересь, и публично порицал в послании, объявив их находящимися вне церковного общения. Но Евсевий показывает характерную реакцию (5. 24. 10): не всем епископам понравилось поведение Виктора. Согласно Евсевию, они выдвинули встречное требование: объединиться в мире, единении и любви. Ириней сам обратился к Виктору и указал на малоазийский обычай, переданный от Иоанна и других апостолов и таким образом законный. П. Штокмайер прав в своей интерпретации, что Ириней вмешался в эту историю, указав на очевидное разнообразие традиций, среди которых малоазийская традиция определения срока Пасхи является непосредственно апостольской и поэтому должна быть предпочтительнее римской. Эта интерпретация также прекрасно соответствует толкованию Н. Броксом того свидетельства, которое конституция *Pastor Aeternus* объясняла в смысле вселенского примата.

Недавно также М. Циглер как специалист по древней истории подчеркнул ведущую роль Виктора, на которую не претендовал ни один из прежних римских епископов. Циглер видит в споре о Пасхе «важный шаг на пути к учительному и юрисдикционному примату», «момент рождения папских притязаний». Штокмайер и Олиг, с другой стороны, указали на то, что разрыв церковного общения практиковался и в других Церквях в то время и не понимался в смысле авторитарного отлучения, как в Риме.

Первым римским епископом, ссылавшимся на текст из Евангелия от Матфея, был Стефан I в середине III в. Карфагенская Церковь во главе с Киприаном, ставшая в сентябре 258 г. жертвой гонения императора Валериана, как и малоазийские епископы выступила за перекрещивание еретиков, тогда как Стефан настаивал на действительности уже совершенного Крещения. Стефан требовал принятия римского обычая; как занимающий кафедру Петра, он считал себя вправе отлучать Церкви, придерживающиеся другого мнения. Это приматское самосознание Стефана привело его также к дисциплинарным мерам против епископов Испании и Галлии, которые оказали сопротивление. Фирмилиан, епископ Кесарии Каппадокийской, в письме к Киприану говорит о дерзости и надменности римского епископа. Фирмилиан подчеркивает, что различные практики в разных областях — не повод для церковного разделения и нарушения мира: но как раз того требовал Стефан, нарушивший церковный мир, который его предшественники всегда хранили с почтительностью и любовью (Послание к Киприану 75. 6). Киприан в письме к епископу Мавритании Квинту привел пример Петра, который, удостоившись особого избрания Господом, построившим на нем Свою Церковь, не имел никаких честолюбивых притязаний или гордого самомнения. Киприан пишет, что Петр не говорил, что обладает каким-либо первенством (*primatus*) и новообращенные обязаны ему повиноваться. Мы видим, что это противостояние показывает лишь ничтожность притязаний Стефана, поскольку его победа в споре была достигнута отнюдь не указами из Рима. Несмотря на сомнения многих, именно Стефан был первым из тех, кто заявил о первенстве римского епископа, и Н. Брокс прав в том, что претензии

римского епископа были правильно поняты теми, кто протестовал против них. Протестантский церковный историк У. Викерт в статье «Епископ Рима и единство христиан» назвал Стефана «первым папой per definitionem», исходя из того, что «папство было установлено в тот момент, когда римский епископ ссылаясь на Мф 16. 18, объявил себя преемником избранного Господом апостола и, опираясь на это, потребовал покорности от всей Церкви». Ссылка на Мф 16. 18 стала впоследствии ядром богословского обоснования примата и оставалась им до собора 1870 г. На куполе собора св. Петра можно до сих пор прочесть этот стих. Другие библейские места, например Ин 21. 15–19 и Лк 22. 32 («утверди братьев твоих»), стали применяться позже. В последующие десятилетия свидетельств об использовании ссылок на первенство не сохранилось, да и вообще сведения о римских епископах после 270 г. крайне скудны; количество гробниц мучеников — римские епископы Фабиан и Сикст действительно пострадали, как было упомянуто, — подняло авторитет Рима и дало ему неоспоримое преимущество в религиозном плане.

После битвы на Мульвийском мосту в октябре 312 г. христианские общины получили государственное признание как корпорации общественного права. Церковь вскоре стала важным фактором общественной жизни. Как повлияло историческое решение Константина на историю римской кафедры? От епископа Мильтиада (311–314) мы знаем, что Константин созвал собор в Северной Африке для решения донатистских споров, т. е. собрание советников, которое был созвано в 313 г. из епископов под председательством римского епископа. Н. Брокс, возможно, был прав, указывая на «черты примата» в поведении римского епископа, когда тот в конце заседания выносил решение и судил от первого лица. И именно Мильтиаду, римскому епископу, Константин подарил Латеранский дворец, чтобы подтвердить, что истинный культ христианского Бога, с точки зрения императора, находится там, где пребывает римский епископ, что еще больше подняло его авторитет. Латеранская базилика до сих пор остается кафедральной церковью «vescovo di Roma», римского епископа, составной частью титула папы. Тем более удивительно, что мы почти ничего не знаем о его преемнике, епископе Сильвестре, несмотря на его 21-летнее правление; некоторую иронию можно видеть в том, что, несмотря на богатые источники времени Константина, мы можем только заключить, при каких обстоятельствах во время своего понтификата тот отсутствовал или присутствовал. Это полное незнание стало удобным поводом для возникновения позднейшей легенды о крещении Константина Сильвестром. *Главная* ответственность за терпимую теперь государством и привилегированную Церковь лежала, что теперь нам кажется необычным, на некрещеном императоре, который, как Pontifex maximus (дословно «высший строитель мостов»), был ответственен за почитание христианского Бога и за служителей культа; он заботился о христианских святынях и священнослужителях, мог считать себя защитником римского государства и нес ответственность за итог религиозных разногласий (донатистские споры или споры о божественности Христа, угрожавшие правильному почитанию христианского Бога, которые подвергали опасности благополучие государства). В должности Pontifex maximus он созвал в 325 г. собор в Никее, признанный тогда высшей

инстанцией в решении вопросов веры и называвшийся теперь I Вселенским собором; епископы заседали в зале аудиенций императорского дворца, император был председателем и предложил ключевую богословскую формулу о единосущности Христа с Богом. С догматической точки зрения К. Баус заключает следующее: не было никакого нарушения легитимности собора из-за того, что император взял на себя инициативу его созыва, потому что епископ Рима согласился с действием Константина, послав туда своих представителей⁸. Позднее папа Евгений IV (1431–1447) даже утверждал, что папа Сильвестр созвал Никейский собор, поставил вместо себя председателей и таким образом придал авторитет собору; в качестве доказательства ему служили мнимые письма отцов Никейского собора к папе. Роль *Pontifex Maximus*, исполнявшуюся Константином и на которую много веков претендовала римская традиция, исполняли и следующие императоры до того, как Грациан отказался от этого титула — скорее всего в 382 г., — и Феодосий I не принял его, когда стал императором. И позднее право императора созывать соборы и утверждать их решения не ставилось под вопрос, несмотря на растущие притязания римского епископа; между тем, за языческие культы император больше не нес ответственности. Начиная с V в., римские епископы стали претендовать на больше не используемый императором титул понтифика. Уже в 378 г. римский собор дал епископу Дамасу функцию *Pontifex religionis*. Они стали себя называть *Pontifex maximus*, как ни странно это звучит, только в эпоху Ренессанса, как показал И. Маро в важной статье в 1963–1964 гг. И до сих пор, вплоть до Бенедикта XVI папы называют себя *sommo pontefice della chiesa universale* («верховный понтифик Вселенской Церкви»). Для церковного понимания иерархии ситуация с уже христианским императором была парадоксом. И понадобился долгий путь к тому, чтобы император мог называться «сыном Церкви».

Епископ Милана Амвросий в конце IV в. подчеркнул в одной из речей, что для императора нет большой чести в том, что он называется сыном Церкви: император находится *в* Церкви, а не *над* Церковью, по-латински его слова звучат так: «*imperator enim intra ecclesiam non supra ecclesiam est*». Когда епископ Амвросий в 390 г. потребовал покаяния от императора Феодосия I, то тем самым дал ему понять, что он, как и любой другой христианин, подчинен церковным законам. При Амвросии ответственность на западе империи сместилась: вопросы веры были исключены из компетенции христианского императора. Правитель, как христианин, был подчинен нравственным требованиям Церкви.

Но мы, кажется, отвлеклись от римского епископа: при Константине, который имел власть над собором как первый христианский император, епископ Рима был представлен на соборе пресвитерами и диаконами. Арльский собор 314 г. сообщил римскому епископу свои решения, «чтобы все знали, что надо соблюдать в будущем». Решения Никейского собора 325 г. были, конечно, объявлены императором Константином. Но одно из решений императора долго играло важную роль, хотя и не касалось римского епископа: строительство новой столицы — Константинополя, который был освящен в 330 г.; теперь римский епископ освободился от прямого влияния императора, в отличие от Константинополя. Это дало римскому епископу возможность дальше укреплять свою

⁸ *Baus K., Ewig E. Handbuch der Kirchengeschichte. Freiburg, 1973. Bd. 2/1. S. 29.*

позицию на Западе, где не было иного апостольского основания. Здесь следует вспомнить и о строительстве базилики св. Петра, которая, по справедливому замечанию Я. Шпайгля, стала центром и без того сильного почитания Петра и влияла на его рост. С другой стороны, епископ имперской столицы Константинополя претендовал в конце IV в. на первенство над римским епископом; Константинопольский собор 381 г. в 3-м правиле изложил это так: «...потому что этот город есть Новый Рим». Таким образом, косвенно *политически* обосновывалось особое положение римского епископа; повышение ранга константинопольского епископа в 381 г., который в любом случае был выше ранга других кафедр Востока, претендовавших на апостольское происхождение, было направлено против Антиохии и, в первую очередь, против Александрии, потому что до этого епископ Константинополя был подчинен митрополиту Иракии (в диоцезе Фракии, теперь на европейской части Турции). Римский епископ Дамас I воспротивился 3-му правилу, даже не смотря на то, что оно могло вовсе и не угрожать Риму. На Римском соборе 382 г., год спустя, он так аргументировал политически мотивированное притязание Константинополя, что первенство Рима основано не на решении собора, но в гораздо большей степени на словах Господа из Мф 16. 18, которые он дословно цитирует. Дамас I ставит на второе место после Рима Александрию, где Церковь была основана учеником Петра Марком, затем Антиохию, где Петр находился некоторое время и которую можно назвать, как это делает Евсевий, временной кафедрой Петра, до того, как он пришел в Рим. В 451 г. на Халкидонском соборе было даже установлено равенство епископов Рима и Константинополя, которое не принял папа Лев I, что долгое время впоследствии влияло на отношения между Римом и Константинополем.

В связи с последовавшими после Никейского собора отлучениями (снова необходимо обратить на него внимание) появились новые спорные вопросы. Афанасий, с 328 г. епископ Александрии, был отлучен в 335 г. на Тирском соборе (в современном Ливане) и сослан в Трир. После смерти Константина он смог вернуться на свою кафедру, но его противники утверждали, что приговор 335 г. до сих пор действует. Затем возникли проблемы перепроверки и возможности апелляции церковных приговоров. Так, римский епископ Юлий I (337–352) в 340 г. потребовал у восточных епископов прибыть в Рим для проверки дела Афанасия, от чего те отказались. Юлий утверждал, что апелляция соборных суждений возможна, но для восточных, признававших равные права для все епископов, не было инстанции выше собора. Однако в 343 г. на Сердикийском соборе римский епископ добился большего для себя: в случае осуждения епископа (но не пресвитера) и последующего протеста осужденного папе направлялось известие об этом для почтения памяти Петра (*sanctissimi Petri apostoli memoriam honoremus: «...мы хотим почтить память святейшего апостола Петра»*). При этом кафедра осужденного епископа не могла быть занята. Впрочем римский епископ еще не мог, как мы знаем из дальнейшей истории, рассматривать дело на своем суде и принимать какое-либо новое решение, поскольку если он не принимал обжалованный приговор, то для вынесения нового ему нужно было назначить епископских судей. Новое заседание проходит перед епископами соседней провинции. По особому желанию осужденного римский епископ мог направить дополни-

тельно пресвитеров своей общины. Если римский епископ предварительно приходит к заключению, что приговор провинциального синода вынесен верно, то этот приговор окончателен. В любом случае Сердикийский собор сделал возможным апелляцию к римскому епископу, и Рим стал высшей апелляционной общецерковной инстанцией, как это сформулировал К. М. Жирарде. Как он пишет, Риму была дана власть проверять решения провинциальных синодов и принимать апелляции на них, если возникают протесты, отвергать их при необходимости или назначать новое заседание. Апелляция к римскому епископу была одним из многих этапов роста его влияния, благодаря чему он мог развивать учение о примате над всей Церковью. Ф. К. Зеппельт, крупный католический историк папства, справедливо пишет о высоком авторитете, который Юлий I придал римской кафедре, конечно, при поддержке находившегося тогда на западе, в Трире, императора Констанца. Восток отверг канонические определения Сердикийского собора. Преемник Юлия I, Либерий (352–366) стал жертвой имперской политики императора Констанция II. Вначале Либерий отказался подписать новую вероисповедную формулу и осуждение Афанасия, но во время ссылки во Фракию он поменял мнение, подписал документ, прервал общение с Афанасием и объявил прежним противникам, что он полностью един с ними в вере. Отказ римского епископа сегодня не подвергается сомнению; когда он вернулся из ссылки, народ Рима поддержал его, и назначенный Констанцием II епископ Феликс был изгнан: до сих пор он считается «антипапой». Я. Шпайгл считает характерным, что именно в этот критический момент Либерий обратился к понятию «апостольская кафедра», знакомому нам до сих пор: публикация актов Ватикана с 1909 г. содержит это название — *Acta Apostolicae Sedis*. Кроме того известен и еще один спор между папами: между преемниками Либерия Дамасом и Урсином вспыхнул конфликт, приведший к расколу общины, который, должно быть, был улажен императором. Долгое правление Дамаса весьма знаменательно, ведь именно тогда император Грациан (367–383) наделил римского епископа высшей судебной властью над митрополитами запада, однако при Грациане не было случаев применения этого указа на практике. А затем император Феодосий I в феврале 380 г. своим собственным авторитетом установил, что тот из христиан может носить имя «католический», кто исповедует веру Петра, которую Апостол передал в Рим и которой следуют епископы Римский Дамас и Александрийский Петр. Согласно епископу Стефану, именно Дамас подчеркивал происхождение Римской Церкви от ап. Петра, как я уже упомянул, когда говорил о реакции епископа Дамаса на 3-й канон, утверждавший повышение епископа Константинополя. Появившаяся между тем фактическая власть была впоследствии богословски обоснована и оправдана, хотя это притязание римского епископа на Востоке не было принято. И тем не менее значимой фигурой западного христианства был в последней четверти IV в. Амвросий, епископ императорской резиденции Милана, и, конечно, огромные последствия имел перенос в ходе военных действий 402 г. императором Гонорием резиденции в Равенну по соображениям безопасности. Это решение, по мнению Й. Халлера, позволило Риму возвыситься до статуса реальной столицы Западной имперской Церкви. И только через несколько десятилетий — с 429 г. — из-за вторжения вандалов

было сломлено сопротивление несколько веков самостоятельно противостоявшей Риму африканской Церкви. Часто отмечалось, что в то время, когда Римская империя могла называться христианской, самомнение римского епископа сильно возрастало. Первый раз упомянутое Либерием *Sedes Apostolica* («апостольская кафедра») стало уже постоянно употребляться его преемником. Хотя этот титул использовался каждой кафедрой, основанной апостолами, но в случае Рима его употребление перевесило остальные кафедры, и этот перевес все усиливался в сторону исключительности. Сириций, преемник Дамаса I, пользовался новым языком, ранее не известным Церкви, для установления нового церковного права, который был подобен языку, использовавшемуся в государственных делах только императором: «Мы определяем, мы распоряжаемся, мы решаем» (лат.: *iubemus, praecipimus, decernimus*). Он распоряжался, понимая под этим «заботу о всех Церквях», *decreta generalia, statuta Sedis Apostolicae*, т. е. общими решениями, постановлениями Апостольской кафедры. Этот язык декреталий с его юридическо-техническим лексиконом нельзя рассматривать как отдельный момент в развитии примата при этом епископе, он связан с Сирицием настолько тесно, по мнению Я. Шпайгля, что такое творчество можно сравнить разве что с стараниями по установлению коллегиальных и синодальных связей римского епископа. Необходимо учесть следующее: иногда люди ссылаются на историю и утверждают, что то или иное является древним обычаем, но на самом деле они пытаются создать новое право, которое выдают за старое. Й. Мартин в своей недавней книге собрал впечатляющие примеры сомнительных исторических «доказательств». То же касается и римского епископа как источника права. Для Сириция, как показал Й. Мартин, декреталии и каноны соборов уже были равноценны. Второй преемник Сириция, Иннокентий I (402–417) последовательно шел этим же путем; так, он учил епископа Руэна тому, что предлагать решения архиерейского собора по всем важным вопросам (*de causa maiore*) Апостольской кафедре соответствует решению Никейского собора, потому что она является, по мнению Иннокентия, высшим авторитетом по вопросам вероучения. В борьбе с так называемыми еретиками он потребовал себе высших полномочий в вопросах вероучения и подтвердил решения двух африканских соборов, хотя никто его об этом не просил. Из требования быть председателем всех епископов он вывел право перенести свои полномочия на постоянного представителя (лат.: «викария»). Я. Шпайгль назвал это «шедевром» и по праву назвал Иннокентия первым «папой». Без сомнения это же касается и его преемника, которому история дала прозвище «Великий», — Льва, первого папы с этим именем. Ни у кого из его предшественников не было такого осознания себя преемником Петра, как у него, и ничто лучше не могло ответить воле Льва, как тот факт, что после смерти в 461 г. он был похоронен рядом с гробницей блаженного апостола Петра. Согласно исследованиям М. Боргольта, это соответствовало его учению о Петре, по которому каждый папа является в римско-правовом смысле наследником Петра, так что может претендовать на погребение рядом с завещателем. Начиная с Геласия в конце V в. уже стало обычаем погребать преемников рядом с ним.

Лев был проникнут идеей о *successio Petri*, преемстве Петра, первенство которого среди апостолов он понимал не временно, а иерархически. Важным

шагом на пути к построению учения о примате можно считать решение пребывавшего в 445 г. в Равенне императора Валентиниана III подчинить юрисдикции римского епископа все провинции Западной империи, вследствие чего все их епископы должны были являться в Рим и подчиняться повелениям римского епископа. Х. Х. Антон правильно говорит о служебной функции императора по отношению к православию. Если бы эти епископы не явились по требованию, то государство предприняло бы усилия, чтобы доставить их в Рим. Но все же Валентиниан сделал такое распоряжение скорее не для догматических, а канонических случаев. Э. Вирбеллауэр, несколько лет назад посвятивший Льву особое место в серии биографий под названием «Они создали Европу (от Константина до Карла Великого)»⁹, справедливо говорит, что с этого момента начинается путь к примату уже на уровне содержания веры. В некоторых случаях Лев мог, используя это юридическое полномочие, вмешиваться и в содержание веры. Именно при Льве произошла ключевая перемена в области полноты полномочий (лат.: *plenitudo potestatis*), которые имел римский епископ как правопреемник Петра. Но при Льве римский примат не получил признания на Востоке, даже когда Лев в связи с христологической дискуссией повысил там свой авторитет, написав знаменитое послание к епископу Константинополя Флавиану, т. е. догматическое сочинение, раз и навсегда прояснившее, по мнению Льва, учение о двух природах во Христе. В 451 г. император Маркиан попросил Льва прибыть на возглавляемый им собор, Лев же отправил делегатов, и они успешно выполнили свою миссию благодаря посланию Льва к Флавиану, которое в итоге было принято как основной документ собора, однако это произошло не потому что собор занимал рабскую позицию по отношению к Риму, а потому, что его «Томос» согласовывался с общецерковной верой (не считая отступников). Несмотря на это, в католическом представлении всегда охотно прибегали к словам отцов собора: «Через Льва это изрек Петр». Э. Вирбеллауэр говорит, что это была сомнительная победа, потому что тот же собор дал константинопольской кафедре первенство чести, взятое у старого Рима, потому что именно он стал имперским городом, т. е. понимание Львом преемства Петра в смысле примата веры не было принято, напротив, первенство Рима было интерпретировано политически. Это 28-е правило собора не принял ни Лев, ни кто-либо иной из его преемников; дискуссия об этом правиле как ничто другое омрачила отношения между Западной и Восточной Церквями.

Догматическая позиция теперь была четко сформулирована: занимающий римскую кафедру, *sedes romana*, называющий себя понтификом, является преемником апостола Петра, обладающим полнотой истины. Но Петр не только скала и фундамент Церкви, как говорит уже много раз использованная здесь цитата из Евангелия от Матфея, но он продолжает жить в глубоком единении с Христом и участвует в Его полноте власти. У Льва мы можем увидеть прямую параллель между Петром и Христом. В проповеди V. 4 он говорит буквально следующее: *Petri, qui obtinet cum aeterno sacerdote consortium* («Петра, который обладает общением с вечным священником». — *Ред.*). В другом месте Лев говорит о *consortium potentiae suae* («общение его силы». — *Ред.*). Да, Петр, согласно Льву,

⁹ *Wirbelauer E.* Leo der Große und die Entstehung des Papsttums // Sie schufen Europa. Historische Portraits von Konstantin bis Karl dem Großen / M. Meier, Hrsg., München, 2007. S. 78–92.

причастен Божественной полноте власти. Полномочия апостолам передаются только через Петра, причем, как выяснил Х. Фронхофен при анализе проповедей II–V, Петр получил особое положение над прочими апостолами. До Льва никто не утверждал, что Петр один является источником апостольства. И из этого следует, что коллегия епископов подчиняется римскому епископу. Петр, посредник между Христом и апостолами (и это тоже было новым), является предводителем Церкви и всегда присутствует в ней. Продолжающееся влияние Петра на историю Церкви было необходимо для Льва, чтобы обеспечить наследование власти Петра вязать и решать, и причем только для римской кафедры, которая только одна теперь считается кафедрой Петра; для Иннокентия I (402–417) Антиохия еще оставалась кафедрой Петра. При его предшественнике Анастасии I (399–402) Петр в первый раз получил титул *princeps Apostolorum*; Бонифаций I (418–422) связывает со временем западного императора Гонория титул *principatus*, обозначающий должность императора, со своей задачей; а во время Льва термин *primatus* впервые используется в смысле папской доктрины, первенства римского епископа, стоявшего над всеми остальными Церквями и епископами, в формулировке канонов Никейского собора: *Ecclesia Romana semper habuit primatum* («Римская Церковь всегда обладает первенством»). Если Христос допускает Петра быть причастным Его власти, что переходит и на преемников Петра, тогда Э. Вирбеллауэр прав в том, что римский епископ является *vicarius Christi*, заместником Христа на земле. И тогда неудивительно, что и сейчас папа использует этот титул вторым после «епископ Рима» (*vicario di Gesù Cristo*). *Vicarius Christi* становится в таком случае и *vicarius Dei*, заместником Бога, но это уже выходит за рамки того периода, который я здесь рассматриваю.

К. Х. Олиг справедливо указал на временную связь с ослабевающей властью императора на Западе (в 455 г. Валентиниан III был убит, а в 480 г. был также убит Юлий Непот, последний западный римский император). Оскудение императорской власти и потрясение во время Великого переселения народов воодушевили Льва: он вышел навстречу Атиллу, правителю гуннов, в 452 г. и убедил его покинуть Италию. Этот образ, приукрашенный, по мнению Х. Фурманна, прочно утвердился в Западной Церкви; достаточно вспомнить фреску Рафаэля. В 455 г. Лев не мог помешать правителю вандалов Гейзериху разграбить Рим, но и здесь он уберег население от насилия и главные церкви от разорения и пожара. Конечно, Лев был убежден, что именно *он* должен заботиться о защите города. П. Штокмайер формулировал это так: этот процесс протекал, очевидно, при определенных обстоятельствах, и напрашивается вопрос, не должны ли были римские епископы решать таким — часто совершенно конкретным — образом понятые задачи, чтобы правильно отвечать на исторические нужды. И при этом неудивительно, что римские епископы уподоблялись более древним императорам, чем библейскому Петру. Их позднеантично-римские корни были так явны в папстве, безотносительно Рима, что очень скоро из вечного Рима римских поэтов появился христианский *Roma aeterna*. Термин «папа» появляется во второй половине IV в.; он произошел от греческого «*πάππας*» в значении «отец». Этот титул имели вначале епископы и аббаты, потом он появился в Риме; с V в. его имели преимущественно патриархи; на Западе, так как других патриархов не

было, оно стало именем епископа Рима. Среди титулов современного римского епископа его, во всяком случае, нет. Термин *papatus* для обозначения учреждения встречается только с XI в.

Именно при Льве мы можем наблюдать христианизацию римской идеи: христианский Рим вступает на место воспетого языческими поэтами *Roma aeterna*; Рим, когда-то бывший *caput mundi*, становится центром Церкви. Чтобы обосновать авторитет Рима, при Дамасе I (366–384) Петр и Павел были названы в одной эпиграмме *nova sidera*, «новыми светилами». Это выражение в языческом мире использовалось для Кастора и Поллукса: Рим превосходит остальные Церкви двойной апостоличностью и двойным мученичеством, что можно заметить и сейчас при богослужении на праздник апостолов Петра и Павла. Теперь они, а не Ромул и Рем, заботятся о благополучии *Roma christiana aeterna*.

Лев I заложил фундамент для дальнейшего развития папского примата; к высокому положению, которое имел римский епископ во время создания германской империи на почве Римского государства, привело богословское притязание на преемство Петра, выражающееся даже в том, чтобы представлять римскому епископу для рассмотрения все сложные случаи (лат.: *causae graviores*), как это произошло при преемнике Льва Иларии. Феликс III, первый папа, происходящий из римского дворянства, решительно выступил против константинопольского императора, когда протестовал против так называемого Энотикона, составленного патриархом Акакием и выпущенного императором Зеноном в 482 г. Эта вероучительная формула фактически отвергала решения Халкидонского собора, и папа указал императору, что он является сыном Церкви и должен учиться в ней, а не учить. В. Ульманн правильно сказал, что никто до него из пап не говорил с императором в таком тоне. Феликс III не побоялся в 485 г. объявить о смещении патриархов Константинополя, Александрии и Антиохии; хотя такие полномочия, которые он вывел из решений Никейского собора 325 г., конечно, были не обоснованны. Принципиально о вероучительном авторитете римского епископа высказался преемник Феликса, папа Геласий I, приветствовавший римский собор 495 г. уже как *Vicarius Christi*, наместник Христа. Геласий I был в праве заявлять о себе подобным образом, как первый, кто в 494 г. сформулировал учение о двух мечях в письме к императору Анастасию I (491–518), когда раскол между Римом и Константинополем длился уже десятилетие. «Целое тысячелетие было прожито под этими словами», — пишет с энтузиазмом защитник позиции римского епископа. Центральная мысль папы, необоснованно считавшаяся Божественным повелением, заслуживает того, чтобы быть цитированной полностью: «Ведь этим миром, император, правят две силы: священный авторитет духовенства и царская власть. И из этих двух сил большим весом обладают священники, поскольку на Суде они будут давать Господу отчет и за самих царей. Ибо известно тебе, кротчайший сын, что хотя ты и вознесен надо всем человеческим родом, но перед духовными руководителями и тебе надлежит благочестиво склонять голову: в них ты видишь путь к своему спасению и знаешь, что в принятии (и, если необходимо) в восстановлении должного порядка в совершении святых таинств ты должен подчиняться духовенству, а не повелевать. И кроме того, тебе известно, что сам ты зависишь от их суда, и ты не должен пытаться подчинить их своей воле.

И если в том, что касается мирских дел, предстоятели Церкви, признавая, что твоя власть определена тебе свыше, добровольно подчиняются твоим законам, так чтобы ни в чем не показаться противящимися твоей воле, то, спрошу я тебя, с каким же рвением ты должен подчиняться им, тем, кому дано допускать нас к величайшим таинствам? И подобно тому как нелегкое испытание выпало на долю священников — ради почитания Бога не вмешиваться в то, что находится не в их ведении, так великая опасность подстерегает и тех (да не случится того), кто пренебрегает долгом повиновения. И если перед всеми вообще священниками, истинно исповедующим веру, должны склоняться сердца верующих, насколько больший почет положен предстоятелю этого Престола, кого Божественная власть пожелала возвысить над всеми, а впоследствии восславил благочестие всей Церкви? Где еще твое благочестие столь явственно увидит, что никто и никогда даже в глубине души не дерзнул возвыситься до всеми признанных привилегий того, кого глас Христа поставил над всеми, кого навеки признала святая Церковь и кого считает превосходящим всех прочих».

Авторитет епископов был священен, а о власти императора этого не сказано. Но Геласий продолжает свою мысль: если уже авторитет епископов настолько велик, то насколько больше должен быть авторитет римского епископа, избранного, как он говорит, высшим Божеством и превосходящего всех епископов, и которого вся Церковь впоследствии всегда почитала с детским благоговением (это, конечно, явно приукрашенный образ). В этом послании повторяется и фраза Амвросия, что император — сын Церкви, а не епископ Церкви. О подчинении земного небесному часто говорили римские епископы в последующие века. Х. Ранер хорошо сформулировал, что это письмо открыло двери в Средневековье. М. Мазер недавно говорил о последствиях такого самовосприятия. Самое главное здесь то, что небесное становится видимым в Церкви на земле и в ее главе, епископе Рима, которому Сам Бог дал полномочия судить.

После смерти Геласия в 498 г. в Риме начались споры. Собор 502 г. не был готов осудить Симмаха, одного из кандидатов в папы, против которого имелись серьезные обвинения, потому что папа не подвластен никакому человеческому суду, даже императорскому, но только суду Божию. Диакон Эннодий, позднее епископ Павии, обосновывал принцип *prima sedes a nemine iudicatur* («первенствующая кафедра никем не судится») ссылкой на слова о Петре как скале: опять Мф 16. 18 послужило обоснованием. Здесь в первый раз появляется мысль, что Петр оставил после себя вечную награду по заслугам для своих преемников, и поэтому они святы, если не по своим личным заслугам, которые могут отсутствовать, то благодаря заслугам предшественника. Поскольку документальных подтверждений принципа неподсудности римского епископа не было, то фальсифицировались те акты и документы, которые содержали сходные прецеденты из жизни римских епископов. Эти искажения служили в основном интересам спорного епископа Симмаха, потому что они оправдывали его сопротивление собору. Их противоречие собраниям канонических источников, отраженных в Папской книге (*Liber Pontificalis*), появление которой можно датировать началом VI в., не считалось помехой. Затем эти искажения стали частью так называемых Лжеисидоровых декреталий, которые в середине IX в. были призваны

защитить епископов от их митрополитов посредством возвышения Рима; они были *одним* из средств развития юрисдикционной власти папы. Помимо декрета Грациана, канонического собрания середины XII в., они стали неотъемлемой частью церковного права, и, как пишет Х. Фурманн, они присутствуют и в обоих сборниках канонического права Католической Церкви 1918 и 1983 г. Так, в каноне 1404 кодекса 1983 г. говорится: *Prima Sedes a nemine iudicatur* («папа не может подлежать ничьему суду»). В заключение стоит еще раз процитировать Й. Халлера: «Вымысел образовал в глазах будущих поколений драгоценное сокровище для доказательства папских прав».

Раскол между Римом и Константинополем, продолжавшийся 35 лет, закончился с приходом к власти императора Юстина I, который, в отличие от своих предшественников Зенона и Анастасия I, признал решения Халкидонского собора. В послании Юстина к новоизбранному патриарху Константинополя он признавал, что история свидетельствует о том, что римская кафедра всегда хранила неповрежденную католическую веру, в ней общая христианская вера пребывала полноценной и совершенной. Г. Хендлер называет новую византийскую церковную политику после низложения патриарха Акакия победой папства, а Й. Халлер — «покорством римской воле, успехом, который невозможно превзойти, днем победы, который нечасто бывает в истории Римской Церкви»¹⁰.

Но этот успех папы Гормизды (514–523) не должен заслонять того стесненного положения, в котором последующие десятилетия находились римские епископы. Король остготов Теодорих невзлюбил его преемника, Иоанна I (523–526), вернувшегося из Константинополя: он был недоволен результатами поездки, и задержал его в Равенне, где тот умер через несколько дней. *Liber Pontificalis* излишне драматизирует этот момент, представляя, будто он умер в темнице. И следующие папы, правившие недолгие сроки, были ставленниками остготских властителей в Италии; некоторые стали участниками конфликтов между остготскими правителями и правившим с 527 г. императором Юстинианом I. Так, Сильверий умер в 537 г. на острове Понза в ссылке, в которую был отправлен своим преемником. До этого его отправлял в ссылку в Патару в Ликии полководец Юстиниана Велисар, но потом разрешил вернуться в Рим. Его преемник Вигилий был насильственно привезен в Константинополь; там он должен был одобрить вероучительный эдикт императора, осуждающий учение антихалкидонитских богословов. Юстиниан, получивший власть над римским епископом, не соглашался с той позицией, в которой Геласий I оказался по отношению к византийскому императору. Напротив, Юстиниан претендовал на высший авторитет в вопросах веры и церковной дисциплины; также именно он в новелле 132 провозгласил, что является главным ответственным за искоренение еретиков. А в новелле 131 утверждается, что епископ старой столицы стоит первым среди всех священников, однако следует за епископом Нового Рима, и тем самым, по мнению Б. Шлимельпфеннига, власть римского епископа ограничивается пределами прежней западной империей. Когда Юстиниан высказывался по вопросам веры, то он следовал давней традиции, идущей, как мы видели, от Кон-

¹⁰ *Haller. Op. cit.* S. 186.

стантина Великого. На созванном императором Константинопольском соборе 553 г. отцы собора приняли решение императора, с которым согласился и папа Вигилий. Юстиниан I должен был чувствовать себя победителем и над ним, и над его преемником, Пелагием I, который призвал к сопротивлению такой слабой позиции римских епископов. Последующие папы должны были улаживать дела уже с новыми властителями Италии, лангобардами. Это касалось и Григория I, который, помимо Льва I, был единственным папой, удостоенным титула «Великий», и также первым папой из монахов. Титул «раба рабов Божиих» (*servus servorum Dei*), который он добавил к «Вселенскому Патриарху», до сих пор остался частью папского официального титула в качестве его последней части: *servo dei servi di Dio*. Забота Григория о населении Рима часто оценивается высоко; важным в его политике был и вопрос о новой римской церковной территории, так называемой Патримонии Петра, ставшей основой для созданного в 754 г. церковного государства. Уже около 600 г. папское хозяйство стало крупнейшим частным хозяйством Италии, оно заботилось о монастырях, бедных жителях Рима и даже о выплате дани лангобардам. Таким образом, Григорий стал фактически духовным главой города. Григорий не развивал далее идею примата. Но его исторически важной идеей была миссия к англо-саксам. Й. Халлер в своей истории папства выдвинул тезис о том, что англо-саксонские миссионеры, связывавшие свои труды с Римом, и сделали Петра привратников рая. Петр стал важнейшим святым и его преимущественно выбирали покровителем. Его земному представителю служили и покорялись, и святой Петр вознаграждал его уже в этой жизни, а тем более в будущей. Но все же этот тезис считается слишком односторонним и отвергается такими критическими авторами, как Олиг и Фурманн в их книгах о папстве.

Мы должны еще раз вернуться назад: со времени императора Юстиниана I в середине VI в. папство в рамках позднеантичной имперской Церкви стало имперским патриархатом, как его прекрасно охарактеризовал Х. Х. Антон, потому что кандидат в папы должен был утверждаться императором или его заместителем, экзархом в Равенне, до того как быть избранным. Папа Северин должен был 20 месяцев ждать утверждения, и когда он получил его, то прожил только два месяца. Притеснения лангобардов ставили пап в зависимость от помощи и защиты правителя Константинополя, чего, однако, часто и не было. В 610 г. на престол Константинополя взошел император Ираклий, который, как и Юстиниан I, пытался авторитарно ввести в Церкви новую вероучительную формулу, так называемый Эктесис, который был призван примирить сторонников и противников Халкидона. В этом монофелитском споре, т. е. споре об одной или двух волях во Христе, папа Иоанн IV (640–642) протестовал против этой формулы, но так как в Риме поддерживали экзарха, узурпировавшего императорскую власть, этот спор приобрел и политический оттенок. Новый документ, «Типос» императора Констанса II 648 г., принес еще большие проблемы; трагедия состояла в том, что те области, о развитии и объединении которых он заботился, в 630–640-е гг. были захвачены мусульманами и потеряны для империи. Хотя Латеранский собор (649) протестовал против вмешательства императора в богословские вопросы и отлучил автора «Типоса», папа Мартин I понес суровое наказание по обви-

нению в государственной измене в союзе с узурпатором в Равенне и приговорен к смерти. Мартина арестовали в Латеранской базилике и на корабле доставили в Константинополь. Смертный приговор был заменен на ссылку; в Херсоне в Крыму папа умер осенью 655 г., как выразился Х. Ранер, став «поистине мучеником за свободу Западной Церкви». Под давлением императора римский клир за год до этого (654) уже избрал его преемником Евгения I. Преемник императора, Константин IV, пытался прийти к взаимопониманию с Римом, и Рим отправил легатов на созванный им в 680 г. собор в Константинополе. На соборе было заслушано догматическое послание папы Агафона и принята дифелитская вероучительная формула (т. е. о двух волях во Христе), таким образом был полностью признан авторитет Римской Церкви, согласно мнению Х. Х. Антона. Но ложкой дегтя для Рима стало осуждение в монофелитской ереси папы Гонория I, что подтвердил папа Лев II (682–683). Этот эпизод вызвал серьезные последствия на I Ватиканском соборе 1870 г. при обсуждении вопроса о непогрешимости римского епископа: так называемый *causa Nonogii*. Но все же император возвысил значение римской кафедры как гаранта веры, в то время как его преемник, Юстиниан II, в письме к римскому епископу подчеркнул, что Бог поставил императора как покровителя чистой христианской веры. Определения собора 692 г. в императорском дворце, созванного Юстинианом II, которые привели к дальнейшему отчуждению Рима и Константинополя, папа отверг и не признал этот собор вселенским, что неудивительно, потому что на нем вновь прозвучали правило 3 собора 381 г. и правила 28 и 36 Халкидонского собора. Отмежевание греческо-византийской Церкви от Запада (Ближний Восток был потерян в результате войн) было тесно связано с собором 692 г. Сила византийского императора была ослаблена арабскими нашествиями; в конце VII в. вся Африка была потеряна для христианства. Влияние императора на папу также сильно ослабло. Действующие против папства экзархи Равенны, постоянные угрозы со стороны лангобардов, а также сильное противостояние возникшему в 720-е гг. в Византии иконоборчеству, обуславливали необходимость для пап искать себе новую защиту. Вскоре появилась возможность заключить союз с франками, не реализованная, правда, при папе Григории III. Однако после признания легитимности каролингской династии папой Захарией, просьба о помощи его преемника Стефана II к франкскому правителю не осталась без ответа. Поездка папы в 753–754 гг. к франкам имела всемирно-историческое значение, так как означала окончательный отход папства от греческого Востока и обращение к германскому Западу. А «Пипинов дар», означавший обещание восстановления дуката в Риме и других областях, стал главной причиной возникновения церковного государства. Именно в это время, по мнению Х. Фурманна, благодаря папскому воображению и появился отделяющий запад империи «Константинов дар», якобы данное императором Константином папе Сильвестру I особое царское положение, отделяющий запад империи. Церковное государство просуществовало 1116 лет, прежде чем в 1870 г. исчезнет с политической карты Европы, в том же году, в каком всеобщий примат папы будет догматизирован, с чего я начал свой доклад.

Следует пояснить, что так называемые списки пап являются догматическим конструктом, поэтому, когда П. Зевальд в недавней интересной серии диалогов с

Бенедиктом XVI назвал его 265-м главой Вселенской Церкви (с. 115), то не учел того, что в последние десятилетия в *Annuario Pontificio* последовательность пизанских пап начала XV в., Александра V и Иоанна XXIII, указана неверно. И говорить о «главах Вселенской Церкви» по отношению к древней эпохе с точки зрения историка неправильно.

Показать сопряженность путей и действий по образованию современного папства, иначе говоря, «историческую силу связей», было главной задачей К. А. фон Хазе, йенского церковного историка (1800–1890) в его книге о протестантской полемике против Римо-Католической Церкви (1862, 1890⁷). То, что папский догмат 1870 г. в своем зародыше лежал уже в начале церковной истории, как охотно отмечали прежние католические авторы, а некоторые беспечно делают это и до сих пор, историк не может утверждать с полной уверенностью. П. Штокмайер заклеил это как «биологическую модель мышления». Древне-церковное развитие должностей, в том числе епископа Рима, проходило гораздо более открыто, чем это многим сегодня кажется. И римское притязание на примат никогда не будет одобрено всей Церковью

Ключевые слова: примат, первенство в Церкви, епископ, апостол Петр, Христос, Римская кафедра, Папа Римский, византийский император, власть, Вселенский собор, смчч. Ириной Лионский, блж. Августин, Константин Великий, папа Лев Великий, папа Григорий Великий, Евсевий Кесарийский.

THE THRONE OF PETER DURING THE FIRST CENTURIES: FROM THE EARLIEST TIMES TO THE SEPARATION OF THE PAPACY FROM BYZANTIUM

E. KETTENHOFEN

This Article discusses the question pertaining to the primacy of the Pope of Rome from the first to the eighth centuries. The author criticizes the Roman Catholic teaching of the primacy of the pope as well as papal infallibility both of which were promulgated at the First Vatican Council in 1870. The author's sources include an analysis of the proof texts employed by the Council: texts from scripture, from the works of early Christian fathers (Saint Ireneus and Saint Ambrose), from the works of the roman Pontiffs (Leo the Great, Hormisdus, and Gregory the great), on which the Council based its assumptions regarding the primacy of Peter and of the roman pontiffs. A panoramic view and detailed study of these documents lead the author to conclude that the doctrine of primacy has no real foundation in fact. The scriptures underscore the significance but not the particular office of Peter whose importance is founded in the fact that the apostle was at the head of the Christian community in Jerusalem. The Council incorrectly understood the proof texts on which it based the primacy doctrine

separating them from their historical and social *Sitz im Leben*. The author pays particular attention to the historical circumstances surrounding the particular position of Rome as the capital city, the unique, for the western half of the Empire, apostolic origin of the see, its distance from Constantinople, and the relative independence of the popes in the face of the Byzantine emperors, an understanding which was not at all shared by the Eastern Churches. The author concludes that the pretensions of the popes to primacy were never accepted by the whole of the Church.

Keywords: primacy, primacy in the Church, bishop, Saint Peter, Christ, Roman See, Pope of Rome, Byzantine Emperor, power, Ecumenical Council, Saint Irenaeus of Lyons, Saint Augustine, Constantine the Great, Leo the Great, Gregory the Great, Eusebius of Caesarea.

Список литературы

1. Anton H. H. 1977. *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, vol. 88, pp. 38–84.
2. Anton H. H. 1985. *Greschat M. (ed.) Das Papsttum I*. Stuttgart, 1985. P. 100–114.
3. Barth R., Bedürftig F. *Das Papstlexikon*. München, 2005².
4. Baus K., Ewig E. *Die Reichskirche nach Konstantin dem Großen*. Freiburg, 1973. Bd. 2.1.
5. Blank J. 1985. *Von Aristi V. u. a. (eds.) Das Papsttum. Dienst oder Hindernis für die Okumene?* Regensburg, 1985. P. 9–41.
6. Bottrich Ch. *Petrus. Fischer, Fels und Funktionär*. Leipzig, 2001.
7. Borgolte M. *Petrusnachfolge und Kaiserimitation. Die Grablegen der Päpste, ihre Genese und Traditionsbildung*. Göttingen, 1989.
8. Brändle R. 1992. *Theologische Zeitschrift*, vol. 48, pp. 207–217.
9. Brent A. *Hippolytus and the Roman Church in the Third Century*. Leiden, 1995.
10. Brox N. *Greschat M. (ed.) Das Papsttum I*. Stuttgart, 1985. P. 25–42.
11. Brox N. 1976. *Kairos*, vol. 18, pp. 81–99.
12. Brox N. 1975. *Annuario Historiae Conciliorum*, vol. 7, pp. 42–78.
13. Caspar E. 1926. *Papsttum und Kaisertum. Paul Kehr zum 65. Geburtstag dargebracht*. München, 1926. P. 1–22.
14. Caspar E. *Geschichte des Papsttums*. Tübingen, 1930–1933.
15. Congar Y. 1975. *Concilium*, vol. 11, pp. 538–544.
16. Denzinger H. *Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen*. Freiburg, 1991³⁷.
17. Dinkler E. 1980. *Gymnasium*, vol. 87, pp. 1–37.
18. Erlemann K. 1998. *New Testament Studies*, vol. 44, pp. 591–607.
19. Feldmeier R. *Der erste Brief des Petrus*. Leipzig, 2005.
20. Frohnhofen H. 1985. *Trierer Theologische Zeitschrift*, vol. 94, pp. 212–222.
21. Fuhrmann H. *Die Päpste. Von Petrus zu Johannes Paul II*. München, 1998.
22. Fuhrmann H. 1971. *Concilium*, vol. 7, pp. 254–256.
23. Gemeinhardt P. 2011. *Materialdienst des Konfessionskundlichen Instituts Bensheim*, vol. 62, pp. 63–67.
24. Girardet K. M. 1974. *Historia*, vol. 23, pp. 98–127.
25. Girardet K. M. *Kaisergericht und Bischofsgericht*. Bonn, 1975.
26. Girardet K. M. 1994. *Historische Zeitschrift*, vol. 259, pp. 1–38.
27. Haendler G. 1985. *Greschat M. (ed.) Das Papsttum I*. Stuttgart, 1985. P. 71–82.
28. Haller J. *Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit I*. Stuttgart, 1950².

